

Координата: Запад — Восток

Дмитрий Воронцов, Акиль Исхак (Южн. Йемен), Хусейн аль-Джааман (Ирак), Максимилян Пресняков

Графика Дмитрия Воронцова очевидно связана как минимум с пятью веками европейской традиции. Как на современного художника на него существенно влияют три парадигмы: ремесло, соответствующая техника и дух искусства эпохи, проблема личного мифа, который, хочется того или нет, проступает даже в нейтральных композициях. Дегуманизация — это дух эпохи или проблема личного мифа? Должен ли художник навязывать нам свою весёлую или мрачную концептуальность? Эти вопросы неизбежно встают при знакомстве с его филигранно отточенными работами. Артефакты и персонажи Дмитрия Воронцова пребывают обычно в непривычной для нас однозначности, что часто не соответствует эмоциональной амбивалентности данных объектов.

Что есть личный миф? Это экспликация художественного «я» сквозь социальную персону, экспликация, в данном случае, посредством графики. В известном смысле, тайный мистер Хайд суть экспликация общественного фактора Джекила; портрет Дориана Грея в пустой комнате наверху... В подобной ситуации удивляет обилие хищных деталей, проходящих сквозь отвлечённую конструктивность. Художественное «я» принципиально неузнаваемо, не имеет отношения к «подсознательному» или «бессознательному», ни в коей мере не проявляет скрытых фобий или подавленных желаний. Поэтому рассуждать об этом «я» надлежит осторожно, поскольку его активность легко перепутать с пристрастием к «духу времени» или стилистической манерностью.

Хищные детали в графике Воронцова проступают лучше всего в мелких подробностях: почти когтистая конфигурация листика, прикрывающего гениталии Атланта, острые, агрессивные инструменты, изломанно-кривые ветки, папоротник, похожий на рыбий скелет в бутылке, огромный жвала жука рядом с девочкой спокойного вида. Это не столько трагическое, сколько холодное, отчуждённое чувство жизни...

Ди Гаг — 2002 — К1 —
С.8. (из очерка «Корабль на цепи»)
Евгений Головин